

А ещё больше его пугало то, что Янь Хан знал: дядя Янь мог пострадать, а вот его папа — нет.

Трое участников событий: один мертв, один ранен, один цел...

Чу И стоял за деревом. Стоило об этом подумать, как накатывала паника, такая сильная, что ноги подкашивались, и приходилось опираться на ствол.

Последние дни были для него настоящим адом. Два дня он не ходил в школу. Дома царил хаос: от папы никаких новостей, найти его не удавалось, на связь он тоже не выходил.

Мама целыми днями сидела на диване, невидяще глядя в одну точку. Бабушка вечно ворчала, цеплялась ко всем без разбора, а стоило ей выйти за порог — непременно с кем-нибудь ссорилась.

Но в сравнении с тем, что творилось дома, слухи снаружи пугали куда сильнее.

Папа стал воплощением фразы «не зли тихоню» в реальной жизни.

Казался безобидным тьюфом, а как приперло — схватился за нож. Да еще и не просто пырнул, а одного — насмерть, другого — в больницу.

Следствие еще не продвинулось, а он уже успел стать сыном убийцы.

Вичат, в котором раньше, кроме сообщений от Янь Хана, никогда ничего не было, вдруг ожил: каждый день одноклассники стучались в друзья.

Это ощущение, будто тебя насильно выставили под свет прожекторов, было невыносимым. Каждую секунду он чувствовал себя так, словно стоит в прозрачной, наглухо закрытой пароварке.

Никто не слышал, что он говорит, да никто и не хотел слушать — вокруг лишь слой за слоем сгущалась удушливая тишина.

Он покосился на окна дома Янь Хана. С тех пор как ушла полиция, там не было ни звука.

Под «звуками» он понимал хоть что-то: загорелся ли свет, мелькнула ли тень Янь Хана за шторами.

Сегодня свет не зажигался вплоть до девяти вечера.

Это заставило Чу И не на шутку встревожиться.

Янь Хан не выходил из дома уже несколько дней. Чу И не понимал, что с ним, даже не знал, ел ли он хоть что-нибудь.

Оставалось лишь по свету в окнах гадать, дома ли Янь Хан и ходит ли он по комнате. Больше — ничего.

Но связаться с ним Чу И не решался. Он боялся, что Янь Хан думает о папе то же самое, что и все остальные — что тот действительно совершил убийство.

Прижавшись к дереву, он выглядывал одним глазом, продолжая наблюдать за окнами. Рука в кармане брюк сжимала маленькую фигурку «маленькой кожаной куртки» из монетки.

Настоящий маньяк-преследователь.

Хорошо хоть людей было мало, никто не замечал, что он каждый день торчит здесь, прилипнув к стволу.

В половине одиннадцатого Чу И не выдержал. Он помчался в круглосуточный супермаркет довольно далеко от дома — там его никто не знал.

Двести юаней, которые дала ему тетя, он так и не потратил. Теперь он выгреб всё до копейки, набрал кучу еды: сладости, сосиски, закуски, несколько коробок с саморазогревающимся рисом. Хотел купить пачку сигарет, которые вечно курил Янь Хан, но, узнав цену, понял, что сигареты слишком дорогие, и взял только две пачки. С этим пакетом он побежал обратно.

Убедившись, что поблизости никого нет, он быстро перебежал улицу и оказался у двери Янь Хана.

Внутри было тихо.

Конечно, слишком близко он не подходил, боялся, что его заметят.

Затаив дыхание, он осторожно приблизился, намереваясь подбросить еду к двери, постучать и тут же удрать.

Прокрутив этот план в голове несколько раз, он на цыпочках бросился к двери.

Только он наклонился, чтобы поставить пакет, как в замке что-то щелкнуло.

В голове у Чу И будто что-то взорвалось. Кровь прилила к лицу, он швырнул пакет и бросился наутек.

Успел пробежать шагов пять, не больше, когда кто-то сзади пнул его под зад.

Он покачнулся, едва не упал, но его тут же схватили за руку и дернули назад.

— Чего бежишь? — голос Янь Хана прозвучал хрипло.

— Не... знаю, — Чу И обернулся и, разглядев в тусклом свете уличного фонаря изможденное лицо Янь Хана, почувствовал, как к горлу подступил ком.

— С такой реакцией в воры лучше не идти, — Янь Хан отпустил его.

— Можно... грабить, — буркнул Чу И.

— Иди тогда в детском саду плату за защиту собирай, — усмехнулся Янь Хан.

— Угу, — отозвался Чу И.

В улыбке Янь Хана сквозила такая усталость, что Чу И, стоило ему взглянуть на него, не выдержал. Слезы брызнули из глаз.

Потекли ручьем, будто прорвало плотину.

Янь Хан не проронил ни слова и не шелохнулся, просто стоял и смотрел, как он плачет.

Чу И не хотел плакать, особенно сейчас, на глазах у Янь Хана. Но слезы — штука такая, как глупый смех: если уж начал, остановиться трудно.

Наконец, стиснув зубы, он кое-как взял себя в руки.

Чувствовалось, что мышцы всего тела напряжены до боли — так сильно он пытался подавить рыдания.

Он опустил голову, вытер глаза рукавом.

Янь Хан издал какой-то звук, похожий на цоканье.

— Прос... прости, — он отпустил край одежды и снова потер глаза предплечьем. Стоило ему это сказать, как слезы полились с новой силой.

Он редко плакал. Даже когда его били, ругали, травили — он не плакал. В лучшем случае пожалуется в «дупло», и на этом всё. А тут — непонятно что нашло. Обида, подавленность, страх, тревога — всё смешалось в один ком.

— Иди в дом, там поплачешь, — Янь Хан хлопнул его по голове, подхватил пакет и скрылся в квартире.

Чу И немного помялся, но последовал за ним.

Всего пара дней прошла, а этот домик, который всегда казался таким теплым и уютным, словно изменился.

Вещи стояли на своих местах, кроме разве что беспорядка на журнальном столике да осевшей повсюду пыли. Всё осталось по-прежнему, но ощущение было совсем иным.

Каким-то серым и холодным.

— Что купил? — Янь Хан поставил пакет на столик и заглянул внутрь.

— Еду, — Чу И вытер глаза и подошел ближе. — Ты... ты, что, совсем ничего не ел?

— Не голоден.

— Это вкусно, поешь, — Чу И вытащил коробку с рисом с тушеным мясом. — Я пробовал, очень... очень вкусно.

— Да? — Янь Хан взглянул на коробку.

Когда в комнате зажегся свет, Чу И заметил, что за эти несколько дней Янь Хан заметно похудел, даже подбородок заострился.

— Поешь хоть что-нибудь, — он опустил голову, изучая инструкцию на коробке. Еда стоила восемнадцать юаней — очень роскошно, он никогда не пробовал ничего подобного. — Смотрю... как тут готовить.

— Тугоу, — Янь Хан забрал коробку из его рук.

Когда от риса пошел пар, холод в комнате немного отступил, но серый оттенок всё равно остался.

Чу И молча сидел на стуле рядом со столиком, глядя, как Янь Хан ест.

Янь Хан ел очень медленно, долго пережевывая каждый кусок.

Чу И очень любил этот рис. Раньше тетя водила его на такой обед, он съедал по две порции. Хотя эта коробка была не свежеприготовленной, запах стоял потрясающий.

Но Янь Хан ел с таким трудом, что, скорее всего, аппетита у него совсем не было.

Видимо, он ест лишь для того, чтобы не обидеть Чу И.

— Воды хочешь? — тихо спросил он.

— Угу, — Янь Хан взглянул на него.

Он взял кружку Янь Хана, налил воды, поставил на столик и сел обратно на свое место.

Янь Хан порылся в пакете, достал пачку морской капусты:

— Сразу видно, что ребенок покупал.

— Неправда, — улыбнулся Чу И. — Сразу видно, что покупали... для ребенка.

Янь Хан вскрыл упаковку, взял две пластинки, остальное протянул ему.

Чу И принял, взял одну пластинку в рот и начал понемногу откусывать.

Он хотел что-то сказать, но не находил слов. Янь Хан молча продолжал есть — медленно, ни слова не говоря.

Может, Янь Хан и не хочет с ним разговаривать.

Когда рис был доеден, Янь Хан отложил коробку и указал на него пальцем:

— Не двигайся.

— Ой. — Чу И, уже привстав со стула, сел обратно.

— Со мной всё в порядке, — сказал Янь Хан. — Не переживай за меня. Сначала со своими домашними делами разберись.

Чу И вздрогнул.

— У меня... в общем-то, нет... никаких дел. — Он опустил голову и вздохнул.

— Тоже верно, — Янь Хан закурил. — Новостей-то нет.

— Янь Хан, — позвал его Чу И. — Я...

Янь Хан повернулся.

— Мой папа... он, мой папа он, он, он... — Чу И чувствовал, что чем труднее начать, тем хуже выходит. — В общем... мой папа...

— У него кишка тонка, — сказал Янь Хан.

— А? — Чу И опешил.

— Иди домой, — сказал Янь Хан. — Выпись как следует. Занимайся своими делами. Папа сбежал, но жизнь-то твоя продолжается, верно?

Чу И смотрел на него, не говоря ни слова.

<http://bllate.org/book/18095/1738908>